

★ ★ Год назад... ★ ★

22 ноября

Всем привет!

Я решила начать блог.

Этот блог.

Спросите почему?

Вы знаете, что будет, если открыть банку колы, которую перед этим хорошо взболтали? Вот именно так я себя и чувствую. Мысли просто захлестывают меня, переполняют — но я слишком не уверена в себе, чтобы говорить об этом вслух.

Папа однажды посоветовал мне вести личный дневник. Уверял, что это отличный способ выразить самые сокровенные чувства. Говорил, что когда я вырасту, то перечитаю записи и еще больше начну ценить школьные годы. Похоже, он окончил школу *так* давно, что совсем позабыл, каково это на самом деле — быть подростком.

Нет, я все-таки попробовала эту идею с дневником. И перед тем как капитулировать, даже сделала три-четыре записи. Звучали они примерно так:

«Сегодня шел дождь. Испортила туфли. Дженни хотела прогулять математику. Не прогуляла. На естествознании Джон Барри ковырял карандашом в носу, и у него пошла кровь. Я рассмеялась, а он обиделся. Неловко вышло. Спокойной ночи, дневник».

Не Бриджит Джонс, в общем. Не впечатляет.

Если честно, я не вижу смысла в записях, которые могу прочесть только я сама.

Мне хочется думать, что кто-то может разделить мои чувства.

Вот я и решила завести этот блог, чтобы у меня была возможность поделиться с людьми тем, о чем я думаю. Тогда и так, как я сама решу. Не хочу постоянно волноваться, что произведу не лучшее впечатление, ляпну глупость или обижу друзей.

Именно поэтому я буду вести блог анонимно, скрываясь за ником.

Тогда я смогу остаться собой.

Мой лучший друг Вики (конечно, его по-другому зовут, но если скажу настоящее имя, меня можно будет вычислить) назвал бы это «эпической трагедией»: мне приходится скрывать, кто я есть, чтобы быть собой. Но что Вики понимает? Он же не девочка-подросток, страдающая от неуверенности в себе (на самом деле он мальчик-подросток, страдающий от неуверенности в родителях, но это уже другая история).

Забавно, я всего лишь тинейджер, а у меня столько поводов для переживаний... Хотя я же решила быть откровенной, так что скрывать мне нечего — вот они:

Хит-парад заморочек девочки-подростка

1. Ты обязана всегда выглядеть на все сто;
2. Но это невозможно, когда твои гормоны сходят с ума;
3. И поэтому у тебя сейчас столько прыщей, сколько не будет больше за всю жизнь (что делает пункт номер один невыполнимым);
4. Мало того, теперь ты сама решаешь, когда и сколько шоколадок купить (что обостряет проблему из пункта три);
5. Всем вдруг становится небезразлично, что на тебе надето;
6. И твоя одежда тоже должна выглядеть на все сто;
7. Ты должна уметь позировать как супермодель;
8. Чтобы делать селфи каждый божий день;
9. И выкладывать их в соцсетях на всеобщее обозрение;
10. А после всего этого тебе еще нужно быть чертовски привлекательной для противоположного пола.

Представьте, что, напечатав эти строки, я драматически заламываю руки и тяжело вздыхаю.

Но если серьезно, я же не единственная, кому выпала тяжелая подростковая доля.

Я очень надеюсь, что мои ровесницы втайне разделяют мои чувства.

И возможно, настанет день, когда мы поймем, что не одиноки, и поэтому не надо больше притворяться, а можно быть собой.

Это было бы так здорово.

Ну а пока я буду искренней только в своем блоге. А в реале придется оставаться ненастоящей.

Здесь я буду писать о том, что чувствую на самом деле, и надеюсь, что вы (кем бы вы ни были) поддержите эту идею.

Тогда у нас с вами в сети появится уютный уголок, где можно без притворства говорить на важные для девушек темы.

Забыла сказать: я увлекаюсь фотографией (разве не чудо, что камера умеет останавливать время, навсегда сохраняя в памяти волшебные моменты: красивые закаты, дни рождения, глазированные капкейки с соленой карамелью, покрытые глазурью...). Так что здесь будет много моих фотографий. Но селфи от меня не ждите. Сами понимаете, анонимность.

Пожалуй, на сегодня все. Спасибо всем, кто дочитал до конца (если кто-нибудь вообще читал)! Если есть что сказать по этому поводу, дайте знать в комментариях.

Девушка Online уходит в offline xxx

Глава первая

Нынешние дни...

Привет, Пенни. Ты знала, что Уильям Шекспир — анаграмма к «В орфографии слаб¹»?

Я читаю эсэмэс от Эллиота и глубоко вздыхаю. За все время, что я сижу на генеральной репетиции Ромео и Джульетты (три часа жизни, потраченные впустую), Эллиот прислал мне сотню несвязанных между собой фактов об авторе пьесы. Конечно, это он из лучших побуждений, чтобы я не умерла со скуки, но неужели кому-то и впрямь интересно будет узнать, что Шекспир перешел в баптизм в 1564 году или что у него было семь братьев и сестер?

— Пенни, сфотографируй, как Джульетта наклоняется из окна трейлера.

¹ William Shakespeare — weakish speller. — *Здесь и далее примеч. ред.*

— Хорошо, — киваю я мистеру Биконсфилду и хватаю камеру.

Мистер Биконсфилд ведет актерское мастерство у старших классов. Он один из тех учителей, что пытаются быть на короткой ноге с учениками. Просит называть его «просто Джефф» и изводит тонны геля для волос на модную укладку. Это с его легкой руки действие Ромео и Джульетты перенеслось в бруклинское гетто, так что наша Джульетта не стоит на балконе, а выглядывает из окна трейлера.

Моя лучшая школьная подруга Меган без ума от мистера Биконсфилда. Но иначе и быть не может: во всех спектаклях он отдает ей главную роль. Мне кажется, он слегка чокнутый. Учителя не должны тусоваться с подростками. Они должны волноваться о школьных проверках и помечать что-то в учебниках — ну, или чем они там еще в учительской занимаются?

Я поднимаюсь на сцену, приседаю и направляю объектив на Меган. На ней рэперская кепка и толстая фальшивая золотая цепь с крупным, тоже золотым знаком доллара — конечно, фальшивым. В настоящей жизни она такое под страхом смерти бы не надела, что еще раз доказывает, как сильно ей нравится мистер Биконсфилд. Я уже подобрала хороший ракурс, но тут раздается шепот Меган:

— Смотри, чтобы прыщ в кадр не попал.

— Что? — тихо переспрашиваю я.

— Прыщ, сбоку на носу. Снимай так, чтобы его не было видно.

— А... Хорошо!

Я подаюсь в сторону и ставлю крупный план. Освещение в этой точке не очень, но зато кожа кажется ровной. Я делаю фото и поворачиваюсь, чтобы спуститься в зал. Мой взгляд скользит по пустым креслам.

Кроме меня, на репетицию пришли только мистер Биконсфилд и двое помощников режиссера. Я с облегчением выдыхаю. Сказать, что я хорошо переношу толпу – это все равно что заявить, будто Джастин Бибер ладит с папарацци. Не представляю, как люди вообще могут выступать перед публикой. Я постояла на сцене всего пару секунд, чтобы сделать фото, но уже успела почувствовать себя не в своей тарелке.

– Спасибо, Пен, – раздается голос мистера Биконсфилда, и я тут же спускаюсь в зал.

Вот что еще меня раздражает в этом учителе: привычка фамильярничать с учениками. Он со всеми на ты. Нет, правда, когда родственники зовут меня Пен – это одно, но когда учитель...

Я возвращаюсь на свое укромное место с краю от сцены. Телефон снова вибрирует.

Ты не поверишь! Во времена Шекспира
Джюльетту играли мужчины! Скажи Олли,
вот лицо у него будет ☺

Я поднимаю глаза на Олли. Он смотрит на Меган.

– Но тише, что за свет в ее окне, – произносит Олли с неубедительным американским акцентом.

Я только вздыхаю. Его не портит даже костюм современного Ромео, хотя он намного хуже, чем у Меган (что-то среднее между Снуп Доггом и типичным неудачником из шоу Джереми Кайла).

Эллиот терпеть не может Олли. Считает его напыщенным эгоистом и называет «Ходячий Селфи». Но он совсем его не знает. Эллиот учится в частной школе в Хове и судит об Олли всего по нескольким случайным встречам на пляже и в городе.

— А меня Пенни будет фотографировать? — уточняет Олли, произнося слова на американский манер. Говорить с акцентом он начал сразу, как только его утвердили на роль. Наверное, все именитые актеры так делают, чтобы «вжиться в образ».

— Сейчас щелкнет, — отвечает «просто Джефф».

Я убираю телефон и снова взбегаю на сцену.

— Только снимай меня с лучшей стороны, — тихо просит Олли, чье лицо едва видно под огромным козырьком украшенной черными стразами бейсболки.

— Напомни, какая сторона — лучшая?

Олли смотрит на меня как на дурочку.

— Просто сложно выбрать, — шепчу я в ответ, заливаясь краской.

Олли только хмурит брови.

— У тебя обе стороны симпатичные, — в отчаянье выпаливаю я. Боже, да что это такое со мной творится?! Услышь этот разговор Эллиот, он бы в истерике забился. В эту секунду Олли расплывается в улыбке, и его лицо сразу становится мальчишески-простодушным.

— Правая лучше, — отвечает он и снова поворачивается к Джульетте.

— С моей стороны правая или с твоей? — решаю уточнить я.

— Пен, фотографируй уже, у нас мало времени, — раздается голос мистера Биконсфилда.

— С моей, естественно, — шипит в ответ Олли, опять глядя на меня как на слабоумную.

Даже Меган смотрит на меня осуждающе. Покраснев от стыда, я делаю кадр, не проверив, правильно ли падает свет и как подобран угол. Просто нажимаю на кнопку и поспешно ретируюсь.

Я дожидаюсь окончания репетиции (успевая за это время узнать от Эллиота, что Шекспир женился в во-

семнадцать и написал тридцать восемь пьес), и мы всей компанией идем в кафе «Джи Би», где готовят отличные молочные коктейли и картошку фри.

Мы выходим на пляж, и тут со мной ровняется Олли.

— Как делиииишки? — заговаривает он, растягивая гласные на нью-йоркский манер.

— Ээээ... Хорошо, спасибо. — Рядом с ним я теряю дар речи. В обычной одежде Олли еще красивее, чем на сцене. У него светлые, небрежно уложенные волосы и голубые глаза, которые в свете зимнего солнца кажутся бездонными, как море. Честно сказать, я не уверена, что Олли — мой тип, слишком уж он идеален: лицо звезды бой-бэнда и тело атлета. И все же я очень стесняюсь, ведь все внимание главного красавчика школы обращено сейчас ко мне одной.

— Хотел спросить... — начинает он, улыбаясь от уха до уха.

И тут же мой внутренний голос заканчивает за него вопрос: *«Что ты делаешь в свободное время? И почему я раньше тебя не замечал? Может, согласишься на свидание со мной?»*

— ...можно посмотреть, как я на фото получился? Я должен быть уверен, что выгляжу супер.

— А, да. Конечно. Покажу, когда в «Джи Би» придем.

И с этими словами я проваливаюсь в яму. Конечно, не в настоящую глубокую яму, и проваливаюсь не с головой, разумеется. Но я спотыкаюсь, и меня заносит в сторону, как заядлого алкаша. Вот именно за это я и ненавижу Брайтон — здесь полно ям, и все они словно специально созданы и расположены так, чтобы я обязательно в них угодила! Я делаю вид, что это был такой специальный маневр, а Олли притворяется, что ничего не случилось.

Мы заходим в кафе, и Олли садится на диванчик рядом со мной. Меган вскидывает брови, и мне сразу

становится неловко. Вообще, Меган умеет смотреть на меня так, что я сразу чувствую себя провинившимся ребенком. Я отвожу взгляд и начинаю изучать рождественское оформление зала: красную и зеленую мишуру и механического Санта-Клауса, смеющегося «Хо-хо-хо» каждый раз, когда кто-то проходит мимо. Рождество — мое самое любимое время года. Есть в новогодней поре что-то успокаивающее. Когда я снова поворачиваюсь к столу, то с облегчением замечаю, что Меган уткнулась в свой телефон.

В голову приходит идея для нового поста в блоге, и кончики пальцев начинают едва заметно барабанить по столу. Иногда мне кажется, что школа — это большая театральная постановка, в которой каждому отведена своя роль. По сценарию Олли должен сейчас сидеть не рядом со мной, а с Меган. Они не встречаются, ничего подобного, просто стоят на одной ступени школьной социальной лестницы. И Меган никогда не проваливается в ямы. Она словно скользит по жизни, и ее блестящие каштановые волосы плавно покачиваются от легких дуновений. Вот к Меган подсели двойняшки Кира и Амара. У них в этом воображаемом сценарии нет ни одной реплики. Но и в реальной жизни Меган относится к ним так, будто они всего лишь девочки из массовки.

— Принести вам какие-нибудь напитки? — улыбаясь, обращается к нам официантка с блокнотом в руках.

— Да, сууупер, — громко отвечает Олли, так старательно изображая американца, что хочется сказать: «Я не с ним».

Мы все заказываем молочные коктейли, а Меган берет минералку.

— Ну что, я посмотрю? — поворачивается ко мне Олли.

— Что? Ах да. — Я выуживаю из сумки фотоаппарат и начинаю пролистывать фотографии. Найдя нужный снимок, я протягиваю Олли камеру и замираю, ожидая его оценки.

— Здорово получилось, молодец.

— О, я тоже хочу на себя посмотреть! — Меган выхватывает фотоаппарат и начинает рьяно давить на кнопки. Я замираю.

Вообще я человек не жадный, могу даже отдать брату половину шоколадок из рождественского календаря, но моя камера — это совсем другое. Она — моя самая ценная вещь, моя отдушина.

— О. Бо. Же! Пенни! — возмущается Меган. — Надо же так сфоткать! Я тут как будто с усами. — Она швыряет фотоаппарат на стол.

— Осторожно! — вскрикиваю я.

Меган едва поднимает на меня глаза, потом снова берет камеру и жмет на все кнопки подряд, пытаюсь удалить фотографию.

Я с силой вырываю у нее фотоаппарат, и один из нарощенных ногтей Меган цепляется за шнурок.

— Ай! Ты мне ноготь сломала!

— А ты чуть не сломала камеру.

— Ты только о своей камере и думаешь, — язвительно отвечает Меган. — Я не виновата, что ты сделала такое жуткое фото.

В моей голове тут же рождается достойный ответ: *«Я не виновата, что ты заставила себя так сфотографировать из-за прыща на носу»*. Но вслух я этого, конечно, не говорю.

— Дай-ка посмотрю. — Олли забирает у меня фотоаппарат и начинает истерически хохотать, а Меган бросает на меня яростный взгляд.

К горлу подступает ком. Я молюсь, чтобы недавний кошмар не повторился, и тут мне становится невыно-

симо жарко. Я не могу дышать. Кажется, будто все знаменитости, чьи фото развешаны на стенах кафе, пристально смотрят на меня. Песня из музыкального автомата вдруг звучит слишком громко. Красная обивка стульев режет глаз. Я не могу контролировать свои ощущения. Ладони покрываются испариной, а сердце стучит как бешеное.

«Хо-хо-хо» — приветствует посетителей механический Санта-Клаус, но теперь его смех кажется злоеющим, а не веселым.

— Мне нужно идти, — шепчу я.

— А что с фото? — капризно спрашивает Меган, поправляя свои длинные темные волосы.

— Сотру.

— А твой коктейль? — спрашивает Кира.

Достаю из кошелька деньги и кладу на стол, надеясь, что никто не заметит, как сильно трясутся руки.

— Пусть кто-нибудь выпьет. Я вспомнила, что обещала кое с чем маме помочь, мне надо идти домой.

На секунду мне кажется, что Олли искренне расстроен.

— Ты завтра будешь в городе? — спрашивает он.

Меган недоуменно смотрит на Олли.

— Думаю, да. — От сильного жара у меня начинает все плыть перед глазами. Если мне не дадут выйти на свежий воздух, я потеряю сознание. Я едва сдерживаюсь, чтобы не заорать Олли: «Выпусти меня!»

— Класс, — Олли встает с дивана и возвращает мне фотоаппарат. — Может, увидимся.

— Может.

Одна из двойняшек (я их уже не различаю) спрашивает, всё ли в порядке, но я молчу. С трудом добиваюсь до двери и выхожу на пляж. Громко кричит чайка, громко смеются люди. В мою сторону движется